

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 27
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Христово смиреніе.—Страстная седмица. С. Н. К.—Святой Стефанъ, Епископъ Пермскій.—Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ХРИСТОВО СМирЕНІЕ.

то значить оное слово Христово: *Сынъ человеческій не придетъ, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ?* Отвѣтъ:

1) Сынъ Божій называетъ здѣ Себе Сыномъ человѣческимъ, какъ отъ любви къ роду человѣческому, такъ и отъ смиренія. Какъ уподобитися намъ отъ любви, такъ и называтися подобнымъ намъ благоволилъ. И какъ читаемъ во Евангеліи Его, болѣе называлъ Себе Сыномъ человѣческимъ, нежели Сыномъ Божіимъ. Смотри смиреніе и любовь Сына Божія къ намъ! Слава возлюбившему насъ, и смирившемуся ради насъ!—2) Видимъ здѣ, что Онъ какъ въ человѣческомъ и рабѣмъ образѣ пришелъ, такъ и служить человѣкамъ не отрелся, и глаголалъ ученикамъ Своимъ: *Азъ посредъ васъ есмь, яко служай.* Чего ради и ноги умыты у нихъ не постыдился. Примѣчай, возлюбленне, какъ Господь нашъ ради нашего спасенія смирился. Тотъ, у Котораго ремень сапогу отрѣшить недостойнымъ себе почиталъ великій Іоаннъ,—Которому ангели со страхомъ и раболѣпно служатъ, служить человѣкамъ, рабомъ Своимъ, и имъ ноги умыть благоволилъ. О, чудо! о зеркало смиренія! Смотрѣлъ на сіе Отецъ небесный съ небесе, и благоволилъ о томъ; смотрѣли ангели Его, и удивлялися тому. Видимъ мы нынѣ вѣрою, и поклоняемся смиренію Его.—3) Таковымъ Своимъ смиреніемъ научаетъ насъ Господь нашъ смиренію, и глаголетъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* И паки: *вѣстели, что сотворихъ вамъ? Вы глаголете Мя учителя и Господа: и добръ глаголете, есмь бо. Аще убо Азъ умыхъ вамъ нозъ, Господь и учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозъ. Образъ бо дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите.* Воззримъ на сей живой смиренія образъ, и послѣдуемъ Ему; посмотримъ въ сіе зеркало, и очистимъ себе отъ гордости нашей; не постыдимся человѣки человѣкамъ, и раби рабамъ служить не постыдимся. Напишемъ, возлюбленніи, сей образъ на серд-

цахъ нашихъ. да ижденется изъ нихъ бѣсовская гордость. Нѣтъ ничего выше смиренія, и нѣтъ ничего подлѣе гордыни; смиреніе возноситъ, но гордость смиряетъ; смиреніемъ люди возносятся, но гордостью смиряются; смиреніемъ изъ грѣшниковъ праведники, но гордостью изъ праведниковъ грѣшники дѣлаются; смиреніе и Богу приятно, и человѣкомъ любезно. Научимся убо смиренію, да Богъ призритъ на насъ, и оправдаетъ насъ. О, Иисусе! Дажь намъ смиреніе.—4) Помни, брате, что Сей, Который такъ смирился ради человѣка, Тотъ придетъ паки, уже не въ смиреніи, не въ рабіемъ зракѣ, но въ славѣ Отчей, не послужити человѣкамъ, но судити ихъ. Близъ же есть день той, и уже ближе сего дня есть, нежели вчера былъ; и такъ приближаяся, явится нечаянно. Да приуготовляемъ убо себе, да не неготовыхъ насъ постигнетъ день оный.

Изъ писемъ Святителя Тихона Задонскаго.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.

Сколько глубоки и жизненны, сколько трогательны и печально-торжественны воспоминанія седмицы страстей Христовыхъ! Печально-торжественны, ибо крестныя страданія и смерть не могли затмить Божественной славы Спасителя, такъ что и въ минуты тяжчайшихъ страданій сіяло Его царственное величіе, какъ сіяетъ свѣтлая яркая звѣзда въ темную ночь. Эти святыя воспоминанія полнѣе, сознательнѣе и жизненнѣе вызываются въ душѣ христіанина въ храмѣ Божіемъ, за церковнымъ Богослуженіемъ.

Какъ величественно Богослуженіе Страстной седмицы! Сколько оно глубоко-содержательно и поучительно! Всю красоту его можно чувствовать и переживать непосредственно. Святыя чувствованія и впечатлѣнія трудно поддаются описанію и внѣшнему изображенію.

„Грядый Господь къ вольной страсти, апостоламъ глаголаше на пути: се, восходимъ во Іерусалимъ, и предастся Сынъ Человѣчскій, якоже о Немъ писано есть. Приидите и мы очищенными мыслями сопутствуемъ Ему и сораспнемся“.

Такъ приглашаетъ насъ св. Церковь идти по пути страданій

Христовыхъ. Послѣдуемъ-же за нашимъ Спасителемъ въ Его страданія, чтобы, какъ поетъ пѣснь церковная, наслѣдовать намъ вмѣстѣ съ Нимъ и горній Иерусалимъ—царство небесное.

Въ первые три дня страстной седмицы Богослуженіе обычное великопостное. Оно отличается только большей продолжительностью, потому что на всѣхъ службахъ бываютъ продолжительныя Евангельскія чтенія. Церковь ввела этотъ обычай въ соотвѣтствіе съ Евангельскими повѣствованіями о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя. Господь эти дни проводилъ въ Иерусалимѣ, подолгу поучая народъ во храмѣ. Потому-то и въ церкви идутъ продолжительныя чтенія Евангелія. На часахъ въ первые три дня прочитываются всѣ четыре Евангелиста. Содержаніе евангельскихъ чтеній на утрени и преждеосвященной литургии, а также и содержаніе самыхъ пѣснопѣній соотвѣтствуетъ воспоминаемымъ событіямъ. Въ великій понедѣльникъ утреннее Евангеліе повѣствуетъ о проклятіи смоковницы.

Наканунѣ этого дня, въ день Божественнаго входа въ Иерусалимъ, вечеромъ Иисусъ Христосъ возвратился въ Виванію. На слѣдующій день Онъ опять пошелъ въ Иерусалимъ и дорогой взалкалъ. Вотъ, въ сторонѣ замѣтилъ Онъ смоковницу, покрытую листьями. Иисусъ Христосъ подошелъ къ ней, въ надеждѣ найти плоды, чтобы утолить голодь. Но плодовъ не оказалось,—одни только зеленыя листья. Тогда Господь осудилъ бесплодную смоковницу, и она засохла. Подъ этой смоковницей разумѣется народъ Иудейскій, особенно книжники и фарисеи. Долго Иисусъ Христосъ призывалъ ихъ къ покаянію, долго ожидалъ отъ нихъ плода добрыхъ дѣлъ. Но плодовъ этихъ они не приносили. Господь и осудилъ ихъ на вѣчное коснѣніе въ своихъ беззаконіяхъ. Смоковница посохла. Осужденные погибли.

Христіанинъ! Ты возрожденный сынъ свѣта. Но приносишь-ли ты плоды добрыхъ дѣлъ? Не уподобляешься ли ты смоковницѣ, покрытой зелеными листьями, но лишенной плодовъ? Спроси объ этомъ свою совѣсть и позаботься, чтобы Господь не осудилъ тебя, какъ нѣкогда смоковницу.

Изъ ветхозавѣтныхъ прообразовъ Иисуса Христа въ великій понедѣльникъ воспоминается прекрасный Іосифъ, цѣломудренный, своими страданіями въ Египтѣ прообразовавшій страданія Христовы. На пареміяхъ читается исторія многострадальнаго Іова. Изъ Богослужебныхъ пѣснопѣній этого дня (и двухъ послѣдующихъ) особенно замѣчательнъ тропарь на утрени, послѣ шестопсалмія: „Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, Его же обрящетъ бдяща“... Тропарь этотъ какъ бы возбуждаетъ насъ отъ сна грѣховнаго, къ духовному бодрствованію. Пробужденные этимъ зовомъ, мы, въ чувствѣ глубокой

своей грѣховности, плачемъ и рыдаемъ, какъ Адамъ у дверей райа: „Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны: просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя“.

Въ понедѣльникъ вечеромъ Иисусъ Христосъ опять возвратился изъ Іерусалима въ Виванію.

Въ вторникъ утромъ Господь снова пришелъ въ Іерусалимъ и долго училъ народъ во храмѣ. Онъ бесѣдовалъ здѣсь съ фа-

рисеями о дани Кесаревої, съ саддукеями о воскресеніи мертвыхъ, съ законникомъ о наибольшей заповѣди въ законѣ; пронѣсь обличительную рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ: „горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри“; изрекъ притчи о десяти дѣвахъ и талантахъ; изобразилъ картину послѣдняго страшнаго суда Своего. Всѣ эти повѣствованія и прочитываются по Евангелію на утрени и преждеосвященной литургіи. Евангеліе на литургіи заканчивается въ этотъ день словами „не вѣстели, яко по двю дню пасха будетъ и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ на пропятіе“. Послѣ продолжительной проповѣди во храмѣ, Господь къ вечеру этого дня прибылъ въ Внѣанію.

На слѣдующій день Иисусъ Христосъ не пошелъ въ Іерусалимъ; онъ провелъ этотъ день въ Внѣаніи,—былъ въ дому Симона Прокаженнаго, гдѣ Ему была приготовлена вечеря. На этой вечери жена-грѣшница помазала муромъ ноги Христовы. Ученики соблазнились поступкомъ жены: не лучше-ли, говорили они, „продать это муро за большую цѣну и деньги дать нищимъ?“ Господь возбранилъ имъ смущать женщину и сказалъ: „она доброе дѣло сдѣлала для Меня: возливъ муро на тѣло Мое, приготовила Меня къ погребенію... Нищихъ вы всегда имѣете съ собою, Меня же не всегда“... При этомъ Иисусъ Христосъ изрекъ дивное пророчество объ этой грѣшной женщинѣ: „аминь глаголю вамъ, идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мѣрѣ, речется, и еже сотвори сія въ память ея“. И вотъ мы видимъ, какъ чудно сбылось это пророчество: вездѣ, во всемъ христіанскомъ мѣрѣ проповѣдуется объ этой женѣ-грѣшницѣ и вѣчно будетъ прославляться поступокъ ея. Вездѣ читается Евангеліе о служеніи ея страждущему Христу. Святая Церковь такимъ трогательнымъ пѣснопѣніемъ прославляетъ женщину: „Господи! Яже иногда во многіе грѣхи впадшая жена, Твое ощутившая Божество, муриносицы возьми чинъ“... Пли еще: „Тебя, Сына Дѣвы, Богомъ познала блудница и съ плачемъ къ Тебѣ взывала, ибо сотворила дѣла, достойныя слезъ; разрѣши долгъ мой, какъ я разрѣшила власы; возлюби любящую, праведно ненавидимую, и я вмѣстѣ съ мытарями проповѣдаю о Тебѣ, благодѣтель челоуѣковъ“...

Великой средой заканчиваются собственно великопостныя службы. Въ послѣдній разъ въ этотъ день совершаются великопостныя часы и читается молитва Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего“... съ великими поклонами и въ послѣдній разъ совершается литургія Преждеосвященныхъ Даровъ.

Когда шла вечеря Симона прокаженнаго, въ Іерусаламѣ происходили слѣдующія событія. Члены Синедріона собрались на совѣщаніе въ домъ первосвященника Каіаѣы. Они разсуждали,

какъ имъ погубить Иисуса Христа. И вотъ рѣшили взять и осудить Его на смертную казнь, только не въ праздникъ, ибо Онъ тогда окруженъ бываетъ толпами народа. Когда они совѣщались такъ, неожиданное обстоятельство побудило ихъ, не откладывая далѣе, немедленно привести въ исполненіе свой злой умыселъ. Къ нимъ явился Иуда Искариотъ, ученикъ Христовъ, и самъ предложилъ имъ свою помощь. „Что вы мнѣ дадите, сказалъ онъ, и я вамъ предаю Его?“ Конечно сильно, обрадовались въ душѣ враги Христовы, но затаили въ душѣ свою незаконную радость и, чтобы подешевле купить предложенныя услуги, предложили предателю всего „тридцать сребрениковъ, цѣну цѣннаго, егоже цѣнища отъ сыновъ Израилевыхъ“, т. е. цѣну, какая платилась за раба изъ Евреевъ. Иуда, ослѣпленный сребролюбною страстью, и этимъ удовольствовался. Позорный торгъ состоялся, и предатель сталъ искать удобнаго случая, чтобы исполнить свое обѣщаніе.

Въ великій четвергъ въ Иерусалимѣ совершена Господомъ Тайная вечеря, за которой Онъ установилъ святѣйшее таинство Причащенія. Евангельское чтеніе на литургіи въ этотъ день составлено изъ повѣствованій евангелистовъ Матѳея, Луки и Іоанна: объ умовеніи ногъ ученикамъ на Тайной вечери, о причащеніи ихъ, подъ видомъ хлѣба и вина, Тѣла и Крови Христовой, о моленіи Господа въ саду Геосиманскомъ до кроваго пота, объ Иудиномъ преданіи Его и судѣ надъ Нимъ у первосвященниковъ. Прислушивался ли когда ты, христіанинъ, къ этому чтенію? Сколь оно глубоко трогательно и назидательно! Нельзя безъ слезъ слушать его. „Прежде праздника Пасхи, вѣдый Иисусъ, яко прииде часъ, да перейдетъ отъ міра ко Отцу, возлюбль Своя, сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ“... Какъ нѣжный отецъ взиралъ Онъ въ послѣдніе часы земной жизни на учениковъ Своихъ... „И егда возлеже... рече къ нимъ: желаніемъ вождѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не приму мукъ“... Сколько въ этихъ словахъ трогательной любви, сколько скорби о предстоящей разлукѣ! Вотъ Онъ препоясуетъ лентіемъ и умываетъ ноги ученикамъ. Очередь доходитъ до Петра. Трогательная картина открывается во всемъ ея величій: Учитель и ученикъ хотятъ превзойти друга друга смиреніемъ. Окончивъ дѣло, которое никто изъ учениковъ не хотѣлъ взять на себя, Иисусъ Христосъ сказалъ имъ: „образъ—бо дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите“. Этими словами и всѣмъ намъ завѣщаль Господь приступать къ Тайной вечери въ таинствѣ Причащенія въ чистотѣ и смиреніи. „Единъ отъ васъ предастъ Мя!“ Понятенъ испугъ и смятеніе среди учениковъ. Какъ? Возможно-ли, чтобы ученикъ предалъ своего Учителя и Господа?

Но скоро печальная действительность подтвердила истинность пророчества. Вечеря окончилась... Садъ Геосиманскій... Моленіе о чашѣ... „Прискорбна есть душа Моя даже до смерти“... „Авва Отче! Мимо носи отъ Мене чашу сію... Явился же Ему Ангелъ съ небесе, укрѣпляя Его... Бысть же потъ Его яко капли крове, каплюція на землю“... „Иудино лобзаніе... Судъ синедриона... Отреченіе Петра и крикъ пѣтеля... „Ведоша Его и предаша Понтійскому Пилату игемону“...

Вотъ и мы, яко ученики Христовы, причащаемся Его Тайной вечери. Какая великая христіанская радость! Каждый причащающийся въ этотъ день имѣетъ отраду унести въ мысляхъ далеко, далеко... ко времени земной жизни Спасителя, чувствовать себя въ кругу учениковъ Его и какъ бы изъ Его пречистыхъ рукъ воспріять драгоценный даръ любви Христовой. „Вечери Твоя тайныя днесъ, Сыне Божій, причастника мя приими“... „Странствія Владычня и безсмертныя трапезы... вѣрнии приидите насладимся“.

Въ великій пятокъ на утрени совершается послѣдованіе страстей Христовыхъ. По числу двѣнадцати ночныхъ часовъ, св. Церковь въ двѣнадцати Евангельскихъ чтеніяхъ на этой утрени призываетъ насъ бодрствовать съ страдающимъ Спасителемъ. Иисусъ Христосъ Самъ призывалъ нѣкогда къ этому учениковъ Своихъ и потомъ съ упрекомъ говорилъ имъ: „такъ ли не могли вы одинъ часъ пободрствовать со Мною?“ Торжественная утрени въ этотъ день и есть какъ бы всеночное бдѣніе въ ночь страстей Христовыхъ. Въ первомъ изъ двѣнадцати Евангелій содержится печально-торжественная прощальная бесѣда Иисуса Христа съ учениками. Печальна была эта бесѣда, ибо происходила при разлукѣ любвеобильнаго Отца съ дѣтьми Своими. Въѣсть съ тѣмъ она и торжественна, ибо всюду среди страданій Спасителя сіяла Его Божественная слава, Его царственное величіе. Кто не слышалъ и не умилился этой бесѣдой?

„Нынѣ прославился Сынъ Человѣческой и Богъ прославился въ Немъ... Дѣти! уже не долго Мнѣ быть съ вами... Заповѣдь новую даю вамъ: любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ... Да не смущается сердце ваше... Вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте... Миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ... Въ мирѣ скорбни будете; но мужайтесь: Я побѣдилъ миръ“... Эту бесѣду Иисусъ Христосъ заканчиваетъ трогательною первосвященническою молитвою за учениковъ Своихъ: „Отче Святыи! Соблюди ихъ во имя Твое... Миръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра. Освяти ихъ истиною Твоею; слово Твое есть истина... Отче! Которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы гдѣ Я, и они были со Мною“...

Сколь трогательны церковныя пѣсногвнія въ послѣдованіи

Гетсиманія.

страстей Христовыхъ! „Егда славнии ученицы на умовеніи вечера просвѣщахуся, тогда Іуда злочестивый сребролюбимъ недуговавъ омрачашеся“... „На вечера ученики питаю, и притвореніе преданія вѣдый, на ней Іуду обличилъ еси, неисправленна сего вѣдый“... „Кій ты образъ, Іуда, предателя Спасу содѣла? Еда отъ лика ты апостольска отлучи? еда дарованія исцѣленій лиши? еда со онѣми вечерявъ, тебе отъ трапезы отрину?“ „Егда предсталъ еси Каіаѣвъ, Боже, и предался еси Пилату, Судіе, небесныя силы отъ страха поколебашася“... „Гвоздьми пригвоздися Женихъ церковный: копіемъ прободеса Сынъ Дѣвы“... „Разбойника благоразумнаго во единѣмъ часѣ рави сподобилъ еси, Господи; и мене древомъ крестнымъ просвѣти и спаси мя“.

Литургія въ великій пятокъ не совершается, ибо въ этотъ

день принесена сама Голгоевская жертва. Дневное Богослужение кончается царскими часами. Въ концѣ вечерни поется „Благообразный Іосифъ“ и износится изъ алтаря плащаница на средину храма въ воспоминаніе снятія со креста тѣла Хрїстова.

На утрени въ великую субботу совершается трогательнѣйшій обрядъ погребенія Хрїстова. Священнослужители стоятъ предъ плащаницей. На клиросѣ поютъ погребальную каѳизму. Священникъ читаетъ у гроба плачь Богоматери: „О, сладчайшая моя весно, сладчайшее мое Чадо, гдѣ Твоя зайде доброта?.. Взываше отроковица, теплѣ слезы точаши, печалію прободаема... О, горы и холми, и челоуѣковъ множества, восплачтитеся, и вся рыдайте со мною, Бога вашею Матерію“... Какой чудный утренній канонъ великой субботы: „Волною морскою“. „Тебе на водахъ повѣсивнаго всю землю неодолимо, тварь видѣвши на лобнѣмъ висима, ужасомъ многимъ содрагашеся“... „Ятъ бысть, но не удержанъ въ персѣхъ китовыхъ Іона, Твой бо образъ нося“... „Ужаснися, бояйся небо, и да подвижатся основанія земли“... „Не рыдай Мене Мати, Его-же во чревѣ безсѣменно зачала еси Сына“...

Съ окончаніемъ великаго славословія совѣщается торжественный крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницей, въ воспоминаніе погребенія Хрїстова. Сколь торжественны паримійныя чтенія великой субботы, числомъ пятнадцать! Среди ихъ слышится пѣснь Маріями по переходѣ чрезъ Черное море: „славно бо прославися“. Въ конигѣ—пѣснь трехъ отроковъ въ печи Вавилонской: „Господа пойте и превозносите Его во вѣки“. Послѣ апостола возглашается торжественное „воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ“. Черныя одежды церковныя замѣняются бѣлыми. Воображеніе рисуетъ уже образъ Воскресшаго, хотя все еще „да молчитъ всякая плоть челоуѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ“...

Многіе вѣрующіе Іудеи отходили отъ Креста Хрїстова, „біюще перси своя“. Съ такимъ же глубокимъ чувствомъ и благочестивый хрїстіанинъ отойдетъ отъ гроба Хрїстова и плащаницы, въ вѣчній великой хрїстіанской радости Воскресенія Хрїстова.

С. Н. К.

Святой Стефанъ, Епископъ Пермскій.

Подъ именемъ Перми въ глубокой древности извѣстна была сѣверо-восточная часть Россіи отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры. Это была обширная страна, заключавшая въ себѣ нынѣшнія губерніи—архангельскую, вологодскую,

вятскую и пермскую. Миссіонерская дѣятельность Св. Стефана протекла по прибрежнымъ селеніямъ великихъ рѣкъ Вычегды, Выми, Сысолы и Лузы; здѣсь были владѣнія перваго епископа „Перми“; пермская епархія его временъ, вслѣдствіе перемѣны въ ея границахъ и въ мѣстонахожденіи архіерейской каѳедры, явилась преимущественно достояніемъ вологодской епархіи, образовавъ изъ себя три обширные уѣзда—сольвычегодскій, яренскій и устьсысольскій. Но и нынѣшняя пермская епархія, усвоившая себѣ святителя Стефана и именемъ и почитаніемъ, по достоянію считаетъ его своимъ просвѣтителемъ и небеснымъ покровителемъ; если не личною проповѣдію въ предѣлахъ ея, то своимъ высокимъ примѣромъ онъ вдохнулъ мужество въ дальнѣйшихъ проповѣдниковъ, которые съ усердіемъ вошли въ духовный трудъ святителя, его благословіе и завѣты несли къ обитателямъ Перми великой; имъ начатое дѣло благовѣстія Христового продолжали; чрезъ цѣлый рядъ его духовныхъ преемниковъ росло и множилось посѣянное сѣмя слова Божія. И нашъ скромный листокъ „Церковнаго Слова“ продолжаетъ тотъ же завѣщанный Святителемъ трудъ сѣянія Слова Божія; подъ его благодатнымъ покровомъ началось и продолжается наше духовное дѣланіе; Его священнымъ ликомъ возглавляется наше изданіе. Въ горячей надеждѣ на его благодатную помощь, наша любовь, окрыляемая молитвами св. угодника о людяхъ и овцахъ пажити его, невольно уносится мыслию въ далекое прошлое, тщится окинуть духовнымъ взоромъ широкое поле его дѣятельности, начиная съ его колыбели, и на скрижаляхъ сердца оживить и напечатлѣть благоговѣйную память о св. ревности и величій его дивныхъ подвиговъ.

Устюгъ... соборный храмъ Успенія... слышится благовѣсть къ вечерней службѣ... вереницей тянутся толпы благочестивыхъ устюжанъ; за родителями идутъ и малыя дѣти. Въ числѣ другихъ направляется подъ мирный покровъ Царицы Небесной трехлѣтняя отроковица Марія; не успѣла она войти на церковный помостъ, какъ выходитъ на встрѣчу ей изъ укромнаго уголка церковной паперти праведный Прокопій († 1303 г.), падаетъ ницъ и въ духовномъ озареніи возглашаетъ: „се грядетъ мать великаго св. мужа учителя пермскаго!“ Загадочными и непонятными кажутся тогда слова эти; между тѣмъ не проходитъ и полустолѣтія, какъ оправдывается прореченіе прозорливаго праведника. Отроковица Марія становится женой соборнаго клирика Симеона, по прованію Храпа; у избранной четы раждается сынъ Стефанъ, который, дѣйствительно, неодолимою силою божественнаго призванія влечется на предсказанный ему апостольскій путь... Быстро минуютъ лѣта перваго дѣтства; Стефанъ

отдается въ книжное обученіе и не по лѣтамъ преуспѣваетъ въ немъ: не прошло и года съ начала ученія, какъ своды соборнаго храма оглашаются свѣжимъ и нѣжнымъ голосомъ отрока Стефана, сначала помогающаго своему отцу читать и пѣть при богослуженіи, и затѣмъ и въ качествѣ самостоятельнаго канонарха и чтеца соборной церкви. По тайному влеченію своего сердца, Стефанъ охотно и часто бесѣдуетъ съ язычниками зырянскими, или какъ ихъ тогда вообще называли, пермяками, встрѣчая на торжищѣ въ своемъ родномъ городѣ. Дѣтская простота сердець ихъ привлекаетъ юнаго Стефана; его впечатлительную голову осѣняетъ мысль посвятить жизнь свою просвѣщенію дикахъ обитателей сѣвера.

Ростовъ.... каѳедра обширной сѣверной епархіи... обитель св. Григорія Богослова, именуемая „затворъ“... Сюда, подѣ благодатное воздѣйствіе святителей ростовскихъ, спѣшитъ юный Стефанъ, здѣсь находитъ пріютъ и проходитъ новую духовную школу; среди богатой монастырской бібліотеки его любознательный духъ открываетъ обширное поле благочестиваго мышленія и достигаетъ высшей сосредоточенности. Стефанъ становится инокомъ. Подвиги и самообразование усиливаются. Какая чудная картина любознательности наблюдается! То ревностное чтеніе священныхъ книгъ, то бесѣда съ мудрыми и книжными старцами, то переписываніе у себя въ келліи книгъ, то ученія пренія съ премудрымъ Епифаніемъ, писателемъ его житія, нерѣдко раздѣлявшимъ время въ затворѣ. Изучаются языки пермскій или зырянскій и греческій; составляется новая азбука для полнаго выраженія звуковъ языка дикаго; переводятся богослужебныя книги на пермскій языкъ. Какіе порой являются дивные руководители у св. Стефана! Святитель Алексій и пр. Сергій! Время быстро летитъ; проходитъ около 10 лѣтъ. Въ тишинѣ св. обители прежнее безотчетное желаніе переходитъ въ твердое рѣшеніе быть просвѣтителемъ зырянъ, коснѣвшихъ въ грубомъ язычествѣ. Его духъ созрѣлъ къ спасительному дѣлу благовѣствованія.

Москва... Св. Стефанъ у высшихъ властей—церковной и гражданской... испрашиваетъ позволеніе и содѣйствіе въ великомъ своемъ предпріятіи. Герасимъ, епископъ коломенскій, правившій митрополіей за смертію св. Алексія, многолѣтній старецъ, посвящаетъ его во іеромонаха, снабжаетъ всѣмъ нужнымъ, благословляетъ и напутствуетъ своими ласковыми наставленіями; а великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской обезопасиваетъ его охранною грамотою во всѣхъ богоугодныхъ дѣлахъ. Горькимъ сердцемъ, идетъ Стефанъ къ землѣ забвенной и непроходной, въ страну полунощную, куда дотолѣ не достигало вѣщаніе апостоловъ. Широко во всѣ стороны пораскинулась страна пермская;

многія великія рѣки раздѣляли ее; необъятные лѣса и дебри покрывали... Жители его, зыряне, народъ финскаго племени, долго платили дань великому Новгороду, и лишь недавно перешли подъ власть великокняжескую; они неохотно принимали то, что приходило къ нимъ изъ Москвы, ибо дань ихъ умножилась съ его владычествомъ. Въ безпрестанной борьбѣ за свое существованіе зыряне вели жизнь болѣе животную: убивъ звѣря, зырянинъ съѣдалъ его мясо, одѣвался его шкурой и тѣмъ ограничивались всѣ его потребности. Духовная природа его спала непробуднымъ сномъ. Суровость и бѣдность окружающей ихъ природы производила на нихъ подавляющее впечатлѣніе: самое божество представлялось имъ въ образѣ грозномъ и карающемъ; зырянинъ вездѣ видѣлъ мощныхъ духовъ, которые парализовали его жизнь и дѣлали тяжкою. Руководимый невѣжественными волхвами и кудесниками, народъ коснѣлъ въ грубомъ язычествѣ. Въ эту темную среду дѣтскаго міросозерцанія къ этому, народу младенчеству, но суевѣрно религіозному, чувствующему необъяснимый страхъ къ своимъ грознымъ карающимъ богамъ, является проповѣдникъ съ свѣточемъ евангелія и словомъ „покайтесь“ оглашаетъ дикія дебри; раздается радостное благовѣстіе о Богѣ Любви, Богѣ правосудномъ и благомъ... Къ Нему, любвеобильному Отцу Небесному можетъ обращаться всякій съ сыновнимъ чувствомъ и называть его сладкимъ именемъ Отца. Какъ сильно должно было дѣйствовать на воспріимчивое чувство дикарей, приученныхъ бояться грозныхъ боговъ, это благовѣстіе о любящемъ людей, какъ дѣтей своихъ, и благостномъ Богѣ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXII.

— „Ахъ, ты, вшивый! сколько ты надѣлалъ намъ скорби и слезъ матери!“...

Такими словами встрѣтилъ меня родитель, когда я вернулся подъ кровъ отчого дома. Въ слезахъ радости свиданія послѣ

долгой разлуки обнимались мы съ отцомъ, матерью и сестрами. Только въ братѣ моемъ старшемъ, Θεодорѣ, радость свиданія не была особенно замѣтна—онъ больше подсмѣивался надо мной и надъ вынужденнымъ моимъ возвращеніемъ, какъ бы торжествуя, что не безъ его усиленнаго настоянія мнѣ не былъ высланъ родителями паспортъ. Незнай былъ онъ человѣкъ, но, прости ему, Господи, сильно зараженный духомъ времени... Узнавши о моемъ возвращеніи, къ намъ набрался полный домъ родныхъ и знакомыхъ: кто просто хотѣлъ видѣть бѣглеца и порадоваться вмѣстѣ съ родителями его возвращенію, а кто явился меня защищать отъ предполагаемаго гнѣва родительскаго. Но въ родительскомъ сердцѣ не было гнѣва — радость встрѣчи послѣ двухлѣтней скорби заставила ихъ все забыть, и я вновь вступилъ въ семейную жизнь въ полномъ повиновеніи и покорности волѣ родительской, занимаясь дѣлами моего отца, который все еще продолжалъ держать водяную мельницу и вести торговлю церковными свѣчами. Братъ Θεодоръ служилъ по откупамъ, сестра Екатерина безъ меня была выдана замужъ. Года полтора была она въ замужествѣ за прекраснымъ и умнымъ молодымъ человекомъ и настолько образованнымъ, что онъ былъ учителемъ губернаторскихъ дѣтей, но не задолго до моего возвращенія скончался отъ чахотки.

Это былъ первый тяжкій ударъ моимъ родителямъ, особенно матери, который они понесли послѣ письма батюшки о Макарія, писаннаго имъ о Амвросіемъ съ увѣщаніемъ не препятствовать мнѣ въ моемъ стремленіи стать монахомъ.

Другія скорби были еще впереди.... Въ это время въ моей жизни произошелъ случай, о которомъ я считаю нужнымъ упомянуть въ лѣтописи моей жизни.

Въ домѣ родителя моего стоялъ постоялецъ, служившій повѣреннымъ по комиссіоннымъ дѣламъ виннаго откупа, Коломенскій мѣщанинъ, Ульянъ Герасимовичъ Ульяновъ. Какъ-то разъ собрались мы съ своей семьей и съ своей женой Ульяновъ всѣ вмѣстѣ за обѣденнымъ столомъ въ кухнѣ. Во время обѣда произошелъ разговоръ о воплощеніи Сына Божія. Ульяновъ, человѣкъ хотя и малообразованный и въ особенности мало начитанный въ словѣ Божіемъ, но вольнодумный, сталъ издѣваться надо мной, надъ моими задушевыми желаніями и, въ особенности, надъ монашествомъ. По гордости и безумію, онъ, что называется, изъ кожи вонъ лѣзъ, кощунствуя надъ вѣрой православной и надъ всѣмъ, что только было въ моемъ сердцѣ святаго. Особенно глумился онъ надъ вѣрой въ существованіе дьявола и всеі его нечистой силы....

— „Какіе, такіе бѣсы?“ — хохоча говорилъ онъ: „и кто ихъ

видѣль?—не любо не слушай, а лгать не мѣшай... Экій вздоръ какіе—бѣсы! Стыдились бы и говорить о такомъ вздорѣ!*

— „Прочтите Евангеліе“, отвѣчалъ я ему: „и изъ него убѣдитесь въ этой истинѣ: Спаситель не разъ въ земной Своей жизни исцѣлялъ бѣсноватыхъ, изгонялъ духовъ нечистыхъ, какъ то было съ Гадаринскимъ, на примѣръ, бѣсноватымъ, когда Онъ повелѣлъ легиону бѣсовъ выйти въ стадо свиное“...

Въ отвѣтъ на мои рѣчи Ульяновъ хохоталъ пуще прежняго и продолжалъ злобно кощунствовать. Я весь трясся отъ внутренняго гнѣва....

— „И что такое ваше Евангеліе?“ — не унимался Ульяновъ, видимо, тѣшась надъ моимъ негодованіемъ: „кто его писалъ?.... Все это—выдумки, вздоръ, чтобы морочить людей и ѣздить на ихъ шеѣ попамъ, архіереямъ да тунеядцамъ—монахамъ“....

При этихъ словахъ, я, едва удерживая себя, чтобы не кинуться на него, сталъ его просить, чтобы онъ перемѣнилъ разговоръ, но его точно муха какая-то укусила, и онъ со злымъ смѣхомъ продолжалъ кощунствовать еще страшнѣе, еще невыносимѣе.... Тутъ сидѣли мои родители и безмолствовали. Это меня еще болѣе потрясло, и я, не помня себя отъ охватившаго меня внутренняго пламени, схватилъ со стола ножъ, поднялъ его надъ своей головой, вскочилъ со своего мѣста и внѣ себя отъ гнѣва повелительно крикнулъ кощуннику:

— „Или ты долженъ умолкнуть, негодяй, или я тебя навсегда заставлю замолчать!“

Меня трясло, какъ въ лихорадкѣ. Блѣдный, какъ полотно, я уже готовъ былъ кинуться на Ульянова, но тутъ родители бросились на меня и удержали мою руку, готовую пролить кровь кощунника.

Съ гнѣвомъ родители выгнали меня изъ за стола... Я подчинился волѣ родительской, но съ великой силой оскорбленнаго за поруганную святыню чувства крикнулъ уходя изъ кухни Ульянову:—„За твое невѣріе меня выгнали изъ-за стола, но помни, негодяй: ты именуешься хрістіаниномъ и не вѣришь воплощенію Бога—Слова, издѣваешься надъ Евангеліемъ — знай, что это не пройдетъ тебѣ даромъ, и не нынче, завтра постигнетъ тебя кара Божія. Ѣдешь ты въ уѣздъ и, попомни мои слова,—не вернешься оттуда благополучно. Тогда придется тебѣ принести раскаяніе, да будетъ поздно: Богъ поруганъ не бываетъ!“

Съ этими словами я вышелъ изъ кухни. Оставшись наединѣ съ собой, я нѣсколько пришелъ въ себя и поскорбѣлъ, что наговорилъ столько угрозъ, но слово—не воробей, вылетитъ — не поймашь. Признаюсь, не о томъ я скорбѣлъ, что произнесъ угрозу, но о томъ, что слово угрозы можетъ не исполниться, и

послѣ этого Ульяновъ еще болѣе будетъ глумиться надъ всѣмъ, что такъ дорого и свято было душѣ моей. Я наложилъ на себя постъ и день, и ночь сталъ усердно молиться Богу и Преподобной Дѣвѣ Маріи, чтобы не остаться мнѣ посрамленнымъ передъ вольнодумцемъ и чтобы онъ увѣровалъ въ истину Св. Евангелія и исповѣдалъ Сына Божія, пришедшаго во плоти для спасенія грѣшниковъ, вѣрующихъ въ Него, отъ нихъ же первый есмь азъ... Что же вышло? На другой, или на третій день, послѣ описаннаго случая, Ульяновъ выѣхалъ по дѣламъ откупа въ уѣздъ. Приѣхавши въ село Макарово, онъ почувствовалъ ознобъ и послалъ къ подвальному взять у него бутылку двойнаго 120⁰ спирту. Нагрѣвши его и раздѣвшись до нага, онъ сталъ имъ натирать свое тѣло. Дѣло было вечеромъ. На столѣ стояла свѣчка. Натираясь спиртомъ, стоя недалеко отъ стола, Ульяновъ нечаянно слишкомъ близко подвинулся къ столу, спиртъ вспыхнулъ, и несчастный вольнодумецъ очутился весь въ пламени. На неистовый, отчаянный его крикъ прибѣжалъ его кучеръ, но, отворивши двери комнаты и увидѣвши своего хозяина нагого и всего въ пламени, отъ испуга упалъ въ дверяхъ въ безпамятствѣ. За кучеромъ вбѣжала хозяйка квартиры и, понявъ въ чемъ дѣло, схватила съ кровати одѣяло, накинула его на Ульянова и тѣмъ потушила пламя. Все тѣло несчастнаго было обожжено, почернѣло, вздулось и покрылось волдырями и гнойными нарывами. Когда его привезли обратно въ городъ и когда его полубезчувственнаго вынимали изъ саней, я шелъ домой изъ лавки. Увидѣвъ меня, Ульяновъ со стономъ воскликнулъ:

— „Ну, Ѳеодоръ Аванасьевичъ, теперь, братъ, вѣрю! Видишь, какъ Богъ меня наказалъ!“...

Послѣ этого событія онъ долго страдалъ, но, Богъ помогъ, выздоровѣлъ.

Кучеръ же его потрясенный случившимся съ его хозяиномъ, вскорѣ умеръ. Все это такъ повліяло на Ульянова, что съ той поры онъ сталъ говѣть и причащаться Св. Таинъ Плоти и Крови Христовыхъ и сдѣлался истиннымъ православнымъ христіаниномъ.

Надо ли говорить, какъ это происшествіе отозвалось въ моемъ сердцѣ?!

(Продолженіе слѣдуетъ).